

Глава 20

Мать Пу вскинула руку ко лбу — лицо её исказилось от боли.

Она не понимала, как её послушный, воспитанный сын мог превратиться в такое. Лицемерие, подсыпание лекарств...

Она просто не могла себе этого представить.

Терзаясь болью, мать Пу спросила:

— Так этот твой «друг-бета», о котором ты всё время твердил, на самом деле альфа?

Пу Яочжи:

— Угу.

Мать Пу зажмурилась, потом снова спросила:

— Когда ты узнал, что он альфа? Только не говори мне, что знал об этом с самого начала.

Губы Пу Яочжи дрогнули.

Он собирался всё отрицать.

Но передумал.

Даже если он станет всё отрицать... что это изменит?

Реальность от этого не поменяется.

А значит, отрицать бессмысленно.

Поэтому губы его дрогнули снова, и с них сорвался лишь один короткий слог.

Пу Яочжи:

— Угу.

Боль матери Пу стала ещё нестерпимее.

Она прижала руку к груди:

— Так, значит... значит, у тебя и правда появились... появились неподобающие... грязные помыслы насчёт этого Гун Чэня, и поэтому...

Пу Яочжи снова лишь угукнул.

Что бы мать ни спрашивала, он со всем соглашался.

Всё, что он делал и чего не делал, — со всем соглашался.

Потому что отрицать не имело смысла.

Когда мать Пу закончила задавать вопросы, она побледнела и, схватившись за грудь, чуть не рухнула на пол.

Но вовремя удержала равновесие.

Дрожащим пальцем она указала ему в лицо, но от гнева на мгновение лишилась дара речи.

Спустя пару секунд она вцепилась ему в воротник и с силой потащила в сторону завуча, гневно и громко закричав:

— Немедленно извинись перед учителями! Скажи, что больше никогда так не поступишь! Скажи, что осознал свою вину!

Договорив, она заискивающе посмотрела на завуча и классного руководителя.

— Можно ли заменить отчисление на испытательный срок с наблюдением? Или пусть возьмёт академический отпуск на год, лишь бы дома посидел, подумал — только не отчисляйте его, он же только первый год учится в старшей школе, совсем ещё мальчишка, наверное, просто бес попутал на минуту...

Завуч и классный руководитель остались непреклонны.

Видя их безучастность, мать Пу окончательно запаниковала.

Сгорая от отчаяния, она снова принялась унижённо умолять:

— Совсем никак нельзя? Он же только первый год учится, а вы его сразу отчисляете — что ему дальше делать? Такой юный, оступился на мгновение по глупости — разве это не обычное дело? Неужели нельзя дать ему шанс осознать ошибку и исправиться?

Пу Яочжи безучастно наблюдал за происходящим.

От бесконечных унижительных просьб матери завуч и сам, похоже, испытывал изрядную головную боль.

Он потёр переносицу с явным раздражением.

— Но то, что он натворил, — далеко не мелкая провинность. Вы знаете семью Гун? Гун Чэнь — единственный наследник клана Гун.

Мать Пу застыла, не в силах поверить услышанному.

Она вытаращила глаза, не сразу сообразив, что к чему.

— Что?.. Гун... семья Гун? Та самая, знаменитая семья Гун?

— Да, — подтвердил завуч и с каменным лицом продолжил: — Теперь понимаете? Вашего сына необходимо отчислить — и для школы, и для него самого это наилучший исход. Если бы решением занялась семья Гун... боюсь, вашему сыну грозило бы не меньше двадцати лет тюрьмы.

Мать Пу лишилась дара речи.

Завуч бесстрастно добавил:

— Так что сколько бы вы сейчас ни умоляли нас, толку от этого не будет. Потому что решать судьбу вашего сына — остаться ему в школе или быть отчисленным — не нам, а семье Гун.

Мать Пу всё поняла.

Она молча кивнула и, повернувшись к завучу, тихо поблагодарила его.

Договорив, она схватила Пу Яочжи за руку и развернулась к выходу.

Даже не зашла в класс собрать вещи и учебники — сразу направилась домой.

Вернувшись, мать Пу с мрачным лицом втолкнула его в ванную.

— Иди, вымойся как следует, потом переоденься.

Пу Яочжи смутно почувствовал неладное.

Он обернулся и растерянно посмотрел на мать.

— Мама... а куда мы потом пойдём?

Лицо матери исказилось от муки, она не обернулась:

— Просить прощения у семьи Гун.

Пу Яочжи замолчал.

А.

Вот, значит, как.

Он больше ничего не сказал — просто развернулся и медленно побрёл в ванную.

В ванной ледяная вода полилась ему на макушку и заструилась по плечам.

Он не шевелился.

Он неотрывно смотрел на пустую белую кафельную плитку перед собой, и на лице его давно не осталось и следа улыбки.

Холодная вода, обрушившаяся на голову, мгновенно привела его в чувство.

Он отстранился от всех переживаний и начал беспристрастно разбирать, как всё это произошло от начала до конца.

И когда все эмоции отступили, он вдруг вспомнил череду странных поступков Хуай Ши перед тем, как тот разорвал с ним дружбу.

Тщательно всё перебрав в памяти, он внезапно прозрел.

Нет.

Он не был невиновен в том, что подсыпал что-то во флакон.

Он действительно это сделал.

Ту самую «сладкую конфету», о которой твердил Хуай Ши, он и правда подсыпал в стеклянный флакон Хуай Ши.

Значит... той конфетой и был так называемый НВ-1.

А этикетку Хуай Ши потом тайком подменил сам.

Зачем Хуай Ши это понадобилось?

Он не понимал.

У них ведь, кажется, не было никакой смертельной вражды.

Или же...

Хуай Ши на самом деле омега — точно так же, как те, кто раньше нарочно притворялся бетами, лишь бы сблизиться с ним. То есть его так называемая дружба тоже была нужна лишь для того, чтобы подобраться к Гун Чэню, топ-альфе.

Просто Хуай Ши маскировался куда искуснее прочих.

Полчаса спустя.

Пу Яочжи молча закончил мыться, оделся и вышел в гостиную.

Опустив глаза, он тихо произнёс:

— Мама, я готов...

Мать Пу украдкой смахнула слёзы и поднялась с дивана.

— Идём.

Он молча последовал за ней.

Разумеется, мать Пу понятия не имела, где находится дом семьи Гун.

Зато больницу, принадлежащую клану Гун, оказалось легко найти в интернете.

Мать Пу привезла его на такси к воротам самой крупной больницы города S.

У входа в больницу сновали толпы людей.

Мать Пу остановилась вместе с ним прямо перед воротами.

Она подняла голову, взглянула на верхние этажи здания.

А затем медленно закрыла глаза.

Голосом, полным муки, она приказала:

— На колени.

Пу Яочжи вздрогнул и обернулся.

Мать повторила ещё раз:

— На колени, я сказала! Слышишь?! Хочешь, чтобы тебя отчислили?!

Он всё понял.

Взгляд его потускнел. Он медленно опустился на колени.

Мать-бета с измученным лицом и юноша-бета, стоящие на коленях перед воротами крупнейшей больницы города S, — зрелище настолько приметное, что прохожие невольно оборачивались, замедляя шаг.

Вскоре у входа в больницу начала собираться любопытствующая толпа.

Люди окружили мать Пу и её сына, тыча в них пальцами и перешёптываясь.

— Что тут происходит?

— Не знаю...

— Зачем на колени встали перед больницей?

— Им что, не стыдно?

— Мне вот стыдно за них.

Пу Яочжи тихо стоял на коленях, и все звуки, всё происходящее вокруг казались ему теперь совершенно чужими, не имеющими к нему никакого отношения.

В тот миг, когда он опустился на колени, его наивность, жизнерадостность, гордость, доброта, пылкость — всё исчезло без остатка, разом.

В душе его теперь осталась лишь пустота, холод и бесконечное оцепенение.

Толпа зевак вокруг них разрасталась, и охранники наконец не смогли больше делать вид, будто ничего не замечают. Один протиснулся сквозь толпу и подошёл к матери с сыном.

Охранник нахмурился и спросил:

— Что вы тут делаете, на коленях перед больницей? Если что-то случилось, обращайтесь в полицию...

Услышав вопрос охранника, мать Пу словно ухватила за спасительную соломинку и взволнованно затараторила:

— Пожалуйста, замолвите за нас словечко перед молодым господином Гуном! Мой сын не нарочно, он правда осознал свою вину, больше никогда так не поступит, пожалуйста, будьте милосердны, не дайте школе его отчислить, он же только первый год учится! Если школа его отчислит, ему, бете, и так работу не найти, куда ему тогда деваться в этом мире?!

Услышав, что дело как-то связано с молодым господином Гуном, охранник растерялся, не зная, что делать.

Он почесал затылок и с трудом подобрал слова:

— Ну... давайте так — я доложу руководству больницы... а вы уж пусть ваш сын не стоит на коленях перед входом, это плохо выглядит.

Последнюю фразу мать Пу пропустила мимо ушей.

Потому что если бы они послушно поднялись и ушли, вопрос об отчислении сына решился бы окончательно и бесповоротно, без всякой надежды на пересмотр.

Охранник направился к стойке регистратуры, чтобы через персонал сообщить о происходящем руководству больницы.

Тем временем.

Верхние этажи больницы, этаж, принадлежащий семье Гун.

Получив звонок, главный врач с колеблющимся выражением лица взглянул на Гун Чэня, лежащего на больничной койке под обследованием.

— Молодой господин, охранник внизу сообщает, что один из ваших одноклассников стоит на коленях перед входом в больницу... говорит, что осознал свою вину... это...

Гун Чэнь, не поднимая глаз, бросил:

— Пусть стоит дальше.

Такие низшие беты обожают устраивать спектакли.

Посмотрим, надолго ли его хватит.

Услышав это, главный врач почтительно ответил согласием.

...

Время текло медленно.

Сменялись день и ночь.

Восход сменял закат.

Он простоял на коленях целых три дня.

За это время дважды терял сознание.

Но быстро приходил в себя.

И, очнувшись, снова тихо опускался на колени перед воротами больницы.

На третью ночь, видимо, решив, что зрелище коленопреклонённого Пу Яочжи у ворот больницы становится слишком уж бельмом на глазу, к тому же портит репутацию заведения, Гун Чэнь наконец «проявил великодушие» и распорядился, чтобы больница передала стоящим на коленях Пу Яочжи и его матери следующее:

— Передайте им: отчислять не будем, но чтобы больше он никогда не появлялся передо мной.

...

Внизу.

Как только охранник передал матери Пу эти слова Гун Чэня, та тут же, от переполнявших её чувств, лишилась чувств и рухнула на землю.

Благо больница оказалась прямо перед ними, поэтому потерявшую сознание мать Пу немедленно доставили в реанимацию.

К счастью, ничего серьёзного не выявилось — после обследования оказалось, что обморок случился попросту от чрезмерного волнения.

Цены на пребывание в больнице семьи Гун оказались настолько заоблачными, что даже одна ночь заставила мать Пу ахнуть. Поэтому, едва завершив обследование, она поспешно забрала Пу Яочжи домой.

Вернувшись из больницы, мать Пу молча опустилась на диван — и словно разом постарела лет на десять.

— Пу Яочжи, запомни этот урок хорошенько.

—... Да.

— Запомни навсегда: есть вещи, есть люди, о которых нам, низшим бетам, даже мечтать не позволено. Понимаешь?

— Да.

Мать Пу хотела сказать что-то ещё, но, взглянув на окончательно опустошённое лицо сына, так и не смогла подобрать слов.

Она тихо вздохнула и поднялась с дивана.

— Иди спать. Завтра можешь пойти в школу.

Пу Яочжи тихо угукнул.

Мать ушла к себе, а Пу Яочжи развернулся и тоже отправился в свою комнату.

Теперь он окончательно всё понял.

То, что он оказался в столь плачевном положении, не имело ровным счётом никакого отношения ни к запрещённым препаратам, ни к чьим-то козням.

Во всём был виноват он сам, и винить кого-то другого не имело смысла.

Ещё тогда, узнав, что Гун Чэнь — альфа, но так и не решившись немедленно оборвать с ним всякую связь, ему следовало предвидеть — рано или поздно всё закончится именно так.

Такой топ-альфа, как Гун Чэнь, — это роскошный товар за многослойным защитным стеклом витрины дорогого, богато украшенного бутика.

А такой низший бета, как он, — вечный бродяга, что может лишь стоять снаружи и с жалкой завистью пялиться на роскошь за стеклом, не смея и мечтать зайти внутрь.

Так что дело вовсе не в каком-то запрещённом НВ-1.

Его главная ошибка заключалась в том, что он не сумел трезво оценить своё место в жизни — низший бета, никчёмное существо, вздумавшее возомнить, будто способно дружить с топ-альфой.

Что может быть смешнее.

<http://bllate.org/book/20413/2145684>